КОЧЕВНИЧЕСТВО, ОСЕДЛОСТЬ, СУВЕРЕНИТЕТ...
(к проблеме трансформации государственности в России)

Л.С.Гребнев

Проблемы обустройства России вообще и государственного строительства в частности весьма активно обсуждаются сейчас и в научных публикациях, и в средствах массовой информации. Присутствуют они и в политической риторике. Такой поворот общественного интереса вполне закономерен после акцента на общечеловеческие ценности в период поздней перестройки и увлечения стихией либерального саморегулирования в первые годы реформ. При этом научные публикации в целом заметно обогатились за счет привлечения подходов, не применявшихся в период доминирования методов анализа государственного строительства, основанных на "единственно верном учении". Однако практически полный отказ от оного без замены иной, но столь же фундаментальной, комплексной теоретической конструкцией создает нечто вроде методологического вакуума – подходов, мнений много, и это прекрасно, но некое общее понимание существа проблем российской государственности не складывается, а это уже достойно сожаления. Разумеется, журнальная статья не может претендовать на заполнение методологического вакуума, возникшего после естественной смерти советского варианта "трехчастного" учения. В предлагаемой вниманию читателя публикации делается попытка без особых натяжек увязать философский, социологический и экономический аспекты анализа специфики российской государственности, особенностей её формирования и современного состояния.

Вводные замечания

Экономический аспект. Основная изюминка предлагаемого материала, если так можно выразиться, состоит в максимальном учете и использовании различий (и взаимодействия!) двух хозяйственных форм – кочевничества и оседлости. Это можно заметить уже по названию работы.

Кочевой и оседлый образы жизни сосуществуют (мирно и не очень мирно) с незапамятных времен. Происхождение человека как вида из мира животных задает кочевой образ жизни как исторически первый, а оседлый – как производный от него, что видно даже по самому слову "оседлость" – седло – это прежде всего важный предмет кочевого быта.

Начинать разговор о современной государственности в России с кочевничества может показаться несколько вычурным. Однако большое

видится на расстоянии, и коль скоро мы стремимся к фундаментальности анализа, именно обращение к самым истокам истории служит некоей гарантией того, что мы не упустим каких-то важных нюансов, незаметных при взгляде на них "в упор".

Ниже будет сделана попытка показать, что именно переход от кочевого образа жизни к оседлому, точнее, различные варианты такого перехода во многом предопределяют специфику восточной, западной и российской форм государственности.

Социологический аспект. В отличие от представления о государстве как средстве насилия, орудии классового господства (хотя и такой взгляд, по-видимому, пока продолжает сохранять право на существование), здесь в центре внимания будет роль государства как одного из участников обеспечения экономического суверенитета. Среди функций государства, имеющих прямое отношение к этому суверенитету, особо можно выделить хозяйственную, посредническую и защитную, любая из которых при определенном стечении обстоятельств может стать доминирующей (1).

Экономический суверенитет включает две стороны – возможность определенных общностей (или индивидов) свободно принимать хозяйственные решения и возможность их (общностей) влияния на продолжение собственного существования. Поскольку результаты хозяйствования – внешние предметы – могут жить собственной жизнью независимо от жизни их создателей, переходить из одних рук в другие, пока не будут окончательно потреблены, постольку даже полная свобода хозяйствования не гарантирует хотя бы простого выживания соответствующей общности-производителя. И наоборот, при почти полном отсутствии такой свободы, то есть привязанности к производству на одном месте одного блага (например, пшеницы), возможность общности (соседской общины или семьи) держать судьбу в своих собственных руках может быть весьма велика.

Свобода, в том числе и свобода хозяйствования, – это естественная черта именно кочевой жизни. Что же заставляло людей отказываться от свободной кочевой жизни и "зарываться" в землю? Необеспеченность существования, без которой и свобода не имеет экономической значимости.

Разумеется, обмен свободы перемещения на гарантии существования – не единовременное событие, перевернувшее жизнь всех людей сразу. Можно сказать, что этот обмен и сейчас не окончен, поскольку ещё сохранились (в том числе и на территории нашей страны) общности, ведущие кочевой образ жизни. Более того, происходил и обмен в противоположном направлении – от оседлого образа жизни к кочевому. Например, первых животных приручали, одомашнивали охотники, хорошо знакомые с повадками животных. Наличие домашнего скота привязывало людей к земле, её плодам, которыми этот скот кормился. Нехватка кормов часто вела к обособлению скотоводства от земледелия с соответствующим обособлением жизни разных человеческих общностей. Поэтому можно говорить о первичном кочевничестве (охотничьем и рыболовецком, давшем потом начало водному кочевничеству, о котором тоже не стоит забывать), и вторичном кочевничестве (скотоводческом), первичной и вторичной оседлости. По сути дела, вся или почти вся история

экономической жизни человечества – это история взаимодействия кочевых и оседлых народов.

Итак, кочевничество, оседлость и суверенитет (главным образом, экономический), взятые в довольно большой (точнее, предельно большой) исторической перстпективе, вроде бы составляют основной предмет рассмотрения в данной работе. Но только этого было бы слишком мало для того, чтобы расчитывать на внимание со стороны мало-мальски начитанного человека, тем более срециалиста по российской государственности. Этот аспект уже довольно внимательно рассматривался евразийцами (см. например, "Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн", Наука, 1993) и многими другими после них. Поэтому только включение ещё одного аспекта - философского может позволить расчитывать на элементы новизны.

Философский аспект в данной работе будет включать рассмотрение техник мышления и мировоззрений, которые могут весьма различаться в разных формах хозяйственной жизни и так или иначе проявляются в экономическимповедении.

В западной традиции, представление о которой мы, обычные россияне, не профессиональные философы, получили только в последние годы, весьма четко различаются два типа ментальности, *две техники мышления* – "континентальная" и "островная". Типичным примером первой является классическая немецкая философия – от Канта до Гегеля. Вторая представлена прежде всего английским эмпиризмом, с чем и связаны название одной из техник мышления, а также аналитической философией. Конечно, между ними нет стены высотой до неба и присутствие географической терминологии очень условно (как и в случае с терминами "Восток" и "Запад"). Тем не менее, различие есть и его стоит принимать во внимание хотя бы для более квалифицированной оценки своих собственных рассуждений.

Различие между островной и континентальной техниками мышления довольно наглядно видно на примере вопросов, которые можно задать при наблюдении капли, скажем, воды. Два типа "почему?" – "почему *эта* капля появилась здесь и теперь, в чем причина этого *события*?" и "почему *все капли* круглые, на чем основано это *свойство*?" – абсолютно не пересекаются между собой и принадлежат разным подходам к окружающей действительности.

Попробуем сравнить коротко техники мышления, характерные для кочевого и оседлого образов жизни. Нетрудно заметить, что в первом случае ум должен быть живой, хотя бы и поверхностный, а во втором – основательный, хотя бы и медлительный. Действительно, кочевая жизнь динамична, решения надо принимать быстро, "не долго думая" (попользовались, а там – "хоть трава не расти"). Если решение оказалось неправильным, всегда можно найти выход в буквальном смысле – "взяв ноги в руки", уйдя в другое место. При оседлой жизни уходить некуда, а потому решения надо принимать с "оглядкой" на далекое будущее, "семь раз отмерив", принимая во внимание экологические последствия своих действий.

Далее, возможность произвольного перемещения при кочевой жизни способствует фрагментарности мышления, его ориентированности на события, их причинно-следственные связи, а не на вещи и их свойства – явные и скрытые, которые больше интересуют оседлых жителей,

связанных с некоторым довольно стабильным набором вещей. Их жизнь в большей степени автономна, самодостаточна, чем жизнь кочевников, поскольку связь между хозяйствованием и присвоением более устойчива и определенна во времени. Они не тратят много времени на дорогу. У них есть досуг и есть о чем подумать на досуге. Они создают цивилизацию.

Как представляется, событийный подход органичен для кочевой ментальности (2), а свойственный подход, по-видимому, органичен для оседлой ментальности (3).

Естественно, что островная, эмпирико-позитивистская, кочевническая техника мышления ближе к свободному рыночному предпринимательству, а континентальная, схоластико-догматическая – ближе к оседлости и активной роли государства в экономической жизни (например, в Пруссии эпохи Бисмарка или Германии XX в.). Кроме того, первая из них ближе к классическому естественно-научному стандарту рациональности. В соответствии с ним надо стремиться к максимальной объективности, а потому устранять всё, что связано с индивидом, человеком.

Второй же тип техники мышления не вписывается в этот стандарт (как, впрочем, и вообще всё, что связано с человеком, его свойствами как человека). Современная естественная наука (прежде всего физика) уже довольно далеко отошла от этой классической рациональности. Об экономике этого пока сказать нельзя (4).

Далее. Представляется довольно естественным, что переход к оседлости как бы консервирует мировоззренческую систему, в которой люди себя осознают. Дальнейшие изменения этой системы, как правило, происходят очень медленно и редко затрагивают её самые фундаментальные части. В связи с этим предметом нашего рассмотрения здесь будут изменения мировоззренческих систем и техник мышления, связанные с различными вариантами перехода от кочевой жизни к оседлой. Из почти бесконечного разнообразия таких переходов, имевших место в экономической истории мира, для более тщательного рассмотрения по понятным причинам выбраны только три, которые с определенной степенью условности можно назвать восточным, западным и российским.

Восточный суверенитет: коллективная обеспеченность существования

Земля (недвижимость по определению) становилась в конце концов той хозяйственной ценностью, вокруг которой строились экономические отношения людей в течение многих веков и на Востоке, и на Западе, да и в России, где земельный вопрос все ещё не получил окончательного решения. Но исходной хозяйственной ценностью при переходе к оседлости была все-таки не земля, а вода (5).

Переход к оседлой жизни вел к смене родовой общины соседской с обособлением в ней семьи как первичной хозяйственно-демографической общности и образованием государства как надобщинной структуры. При этом часть воспроизводственных функций родовой общины перешла к соседской, часть ушла вниз, в семью, а часть наверх - к государству или даже дальше - к вне- или

надгосударственному образованию (например, религиозному центру). Но и сама соседская община вобрала в себя часть связей, которые ранее существовали только на межобщинном уровне. Речь идет об обмене генетическим материалом в ходе демографического воспроизводства.

В большой семье сохраняется основной принцип разделения труда между членами общности, сформировавшийся ранее в родовой общине: "функция под человека". В соответствии с этим принципом личные качества (прежде всего различия людей по полу и возрасту) определяют конкретное место приложения сил в хозяйственном организме.

Рассмотрим теперь особенности саморефлексии при разных образах жизни (кочевом и оседлом) и переходах от одних форм саморефлексии к другим, то есть изменения в сфере мировоззренческих систем. Именно они и задали разные пути развития того, что в течение нескольких тысячелетий различалось как "Запад" и "Восток".

Исходной формой саморефлексии был *тотем*. Как правило, им было животное, с которым родовая община себя отождествляла. Прикладной смысл тотема, если так можно выразиться, состоял в том, что нельзя было дотрагиваться до своих сородичей ("не убий", "не прелюбодействуй"), поскольку они и тотем – одно и то же ("мы"). Остальные ("они") – не тотем и с ними можно делать все, что угодно (или все, что так или иначе полезно для "нас"). Принципы поведения типа "кто не с нами, тот против нас", "если враг не сдаётся, его уничтожают" – появились примерно тогда же и отражали крайне низкую степень обеспеченности существования (в прямом смысле – "быть или не быть") при большой свободе (точнее сказать, произволе) принятия решений. В экономической жизни эти фундаментальные, "общечеловеческие" (а на самом деле дочеловеческие, биологические) принципы сохранились до наших дней.

Культ предков – это, по сути дела, часть тотемической формы самосознания, связанная с единством разных поколений людей и очищенная от символической связи с представителями животного мира. Таким образом, можно заметить явную преемственность саморефлексии древнейших оседлых народов по отношению к своим кочевым предкам. Но одновременно можно отметить и отказ от кочевой техники мышления как по-своему цельной системы принятия решений.

На взгляд кочевника, оседлые жители, скорее всего, туповаты и жирноваты, а потому их можно и нужно "стричь", благо орудия охоты (лук, копьё и т.д.) легко использовать и "по второму назначению". На взгляд оседлого жителя, кочевники – это варвары, животные, дикие звери, стихийное бедствие, от которого лучше всего постараться отгородиться (например, Великой китайской стеной). Все это (и многое другое) позволяет говорить об отказе от кочевнической техники мышления, "способа производства решений", в том числе хозяйственных при переходе к оседлой жизни на Востоке, при создании великих речных цивилизаций (6).

В родовой общине индивид довольно легко может сам осмыслить собственное место "в общем строю". В государстве как системе соседских общин сделать это уже просто невозможно. Исходная тотемическая форма саморефлексии трансформируется в различные

опосредованные идеологические формы, общие контуры которых похожи на хозяйственные иерархии. Здесь, в восточном государстве, ещё сохраняется аналог исходного подчиненного по отношению к общности положения индивида. Но первые орудия труда были ручными, они представляли собой перенос на внешние тела (будь то топор, нож или что-либо другое) некоторых свойств именно индивидов как тел, как носителей естественных производительных сил. Этот перенос, овнешнение естественных производительных сил индивидов представляет собой объективную основу повышения экономической роли самих индивидов. Ведь именно они продолжают принимать непосредственные решения по созданию и применению таких орудий труда, производству материальных благ.

Труд (индивидов) как непосредственная причина появления мира искусственных предметов ("второй природы") наряду с миром естественных предметов стал настолько важным явлением в речных цивилизациях (этого не было в кочевых общинах), что именно с ним, а не с Небом (до этого миропонимания ещё далеко) часто связывалось *сверх*ъестественное начало (7).

Таким образом, можно зафиксировать некоторое нарушение исходного равновесия в системе "индивид-общность". С одной стороны, индивид всё более растворяется в иерархии, по необходимости носящей статический характер (хотя бы в силу статичности ирригационных сооружений). С другой стороны, именно труд индивидов представляет собой сверхъестественное начало в жизни общества, привносит в неё элементы собственной динамики, не связанной непосредственно с динамикой естественных природных процессов. Особенно наглядно это проявляется в труде ремесленников, в гораздо большей мере свободных от текущих явлений природы, чем крестьяне. Даже в условиях доминирования традиций в любом ремесле можно было достигать индивидуального совершенства. Вспомним также о восточных единоборствах, в том числе и без применения каких-либо вспомогательных предметов. И в них индивид – это отнюдь не "винтик", а вполне самостоятельно мыслящее существо. А ведь есть и другие системы, ориентированные именно на индивидуальное самосовершенствование, саморазвитие. Всё это тоже "Восток", а не "Запад". Поэтому было бы очень большой ошибкой считать, что свободный индивид – это исключительно западное явление, продукт христианской цивилизации. Более того, само христианство – это вполне восточный продукт, если можно так выразиться.

Нетрудно заметить сходство хозяйственной и религиозной вертикалей и первую трактовать как прообраз второй. Хотя трудовое понимание сверхъестественного, о котором уже говорилось, само по себе горизонтально, иерархия труда, то есть принятие хозяйственных решений, проявление именно субъектной (а не объектной, естественной производительной силы) как бы сама по себе выстраивает вертикаль внутри горизонтали. При этом верхний уровень субъектности поднимается так высоко над индивидом, что может потеряться из вида, "уйти за облака", в небо, которое тем самым начинает превращаться в Небо. Однако сама по себе такая вертикаль вовсе не ведет к развитию личностного начала в системах миропонимания. Скорее, наоборот, в таких системах субъектность отрывается от индивидуальности,

обезличивается. "Поголовное рабство", свойственное и первобытной, родовой общности, здесь только усиливается, и начинают проявляться его негативные стороны (8).

В "вертикальности" здесь надо выделить другой аспект. Любая хозяйственная иерархия помимо всего прочего представляет собой перераспределительное устройство, разрушающее, хотя бы частично, прямую локальную (9) связь хозяйствования и присвоения.

Хорошо это или плохо? Вроде бы, плохо. Ведь если материальное благополучие субъекта не зависит от его собственных стараний, то будет ли он стараться? Но, с другой стороны, казенный кошт и его аналоги освобождают индивидов от заботы о себе, своем теле, а потому свобода перестает быть средством (что как раз роднит человека с миром животных) – выживания, повышения своего благосостояния и имеет шанс стать чем-то более возвышенным. Строго говоря, уже в первобытной общности уравнительное распределение представляет собой экран, освобождающий активность индивида от нацеленности на собственное тело, его нужды, даже если сама общность в целом при этом влачит существование на грани жизни и смерти.

Таким образом, хозяйственная иерархия оказывала двоякое воздействие на индивидов. В сфере собственно *хозяйствования* она действительно умаляла индивида, превращала его в частичное существо, ролевое, наподобие пчёл в улье или обитателей муравейника. Но в сфере *присвоения* она волей-неволей создавала условия, предпосылки для обращения активности индивидов на самих себя, на свои души, а не тела.

Ещё одна очень важная тема должна быть затронута именно в этом месте – тема жизни и смерти в её экономическом измерении, если так можно выразиться. Как только мы начали разговор об экономическом суверенитете и связали этот суверенитет с обеспеченностью существования, мы фактически уже вошли в данное измерение, хотя в явном виде это не фиксировали. Говоря далее об обмене свободы перемещения на групповую обеспеченность существования, мы в центре внимания держали проблему жизни и смерти общностей (общин), но не индивидов. Для индивидов такой проблемы в экономическом измерении не существует просто потому, что все люди физически смертны независимо от того, насколько эффективно они хозяйствуют.

Для кочевых общностей прекращение их собственного существования было вполне возможной перспективой, что беспокоило их гораздо больше, чем смерть любого индивида, если он не последний. Эффективность хозяйствования определялась прежде всего степенью выживаемости рода, тотема.

При оседлой жизни угроза исчезновения общности (теперь уже иерархической) не то, чтобы теряет актуальность, но её будущее в большей степени начинает зависеть от хозяйственных решений индивидов, от их мотивации. И здесь естественная смертность индивидов может стать экономической проблемой. Восточная культура в целом ориентирована на максимальный учет ныне живущими (хозяйствующими) субъектами интересов будущих поколений (10).

Один из известных вариантов "идеологической" мотивации повышения ответственности индивидов за принимаемые решения –

бесконечная повторяемость земных жизней индивида с наследованием бремени принимаемых решений (карма). Тем самым потенциальная бессмертность родовой общины, заставлявшая её принимать по возможности дальновидные решения, как бы переносится на индивида с той существенной разницей, что родовой общине угрожало реальное исчезновение навсегда, а индивид мог надеяться на исправление своих ошибок хотя бы в будущих жизнях. Это большой шаг вперед по пути освобождения решений индивида от привязки к текущим интересам локальных (в пространстве и времени) общностей.

Другой, более радикальный вариант, связан с признанием единственности земной жизни индивида и влиянии каждого принимаемого в ней решения, даже если само решение оказалось невыполненным по независящим от человека причинам, на его последующую вечную жизнь "по ту сторону" физической смерти. Таково, например, христианство. В соответствии с этим "вариантом" вся земная активность человека, в том числе и хозяйствование, имеет один критерий эффективности – способствует ли она принятию в Царство Небесное или ведет к падению в Бездну. Рай или Ад. Третьего не дано. Здесь повторяются исходный "набор" возможных исходов в экономической жизни – "быть или не быть" и неуместность приоритета количественных методов обоснования принимаемых решений.

Такова вкратце история преобразований техники мышления и мировоззренческих систем в рамках восточной оседлости. Начавшись со слома кочевой техники мышления (ментальности), она закончилась формированием систем понимания Личности, не вполне совместимых с жесткой хозяйственной иерархичностью и преодолевающих поголовное рабство в тварном мире. Заповедь "не сотвори кумира" прямо запрещает превыше всего ставить что-либо земное, тленное.

Однако христианство, будучи духовным продуктом Востока, так и осталось на его периферии. То, что способствовало формированию личностных мировоззренческих систем – разделение хозяйствования и присвоения, обеспечение гарантий существования, – мешало автономизации экономической жизни, "заземлению" свободы, её превращению из самостоятельной ценности в средство. Тем самым первый шаг вперед по сравнению с кочевым образом жизни в развитии экономического суверенитета, сделанный в древности на Востоке и заключавшийся в обмене части свободы хозяйствования на повышение обеспеченности существования, оказался в некотором смысле последним. Следующий шаг вперед могли сделать общности, ещё не сделавшие тот же первый шаг.

Западный суверенитет: индивидуализация свободы хозяйствования

Придя на территорию Римской империи, к тому времени уже принявшей христианство, и осев на ней, кочевникам не пришлось мучительно преобразовывать свою мировоззренческую систему. Вместе с уже имевшейся здесь культурой оседлого хозяйствования они, особо не задумываясь, приняли и христианское понимание свободной личности, которое хорошо сочеталось с автономным хозяйствованием в рамках отдельно взятых семей. Технологической основой их автономии,

наряду с независимостью от "центра" в получении воды на орошение, был цикл "органические удобрения (отходы животноводства) – продукция растениеводства" (если коротко, цикл "навоз–зерно") (11). При этом кочевническая техника мышления не отбрасывалась, а так или иначе преобразовывалась. Например, из-за того, что у англичан право наследования земли имел только старший сын, остальным надо было искать другой жизненный путь, другую землю. Крестовые походы – это тоже форма проявления пережитков кочевнического умонастроения вроде бы оседлых новых европейских народов. Кроме того, на севере Европы морские кочевники ещё долго не могли успокоиться и на протяжении нескольких веков держали в напряжении всех южных соседей, включая жителей Средиземного моря. А потом этот же шаблон кочевнического умонастроения вкупе с тягой к восточным атрибутам обеспеченной, "красивой" жизни (пряности, чай, шелка и т.д.) способствовал Великим географическим открытиям в поисках приемлемой альтернативы Великому шелковому пути, колонизации Америки, других континентов. Более того, по вполне понятным причинам рыночное умонастроение (взять, например, западного коммивояжера или нашего "челнока") во многом воспроизводит именно кочевническое.

Итак, сверхвысокий экономический суверенитет семьи на Западе имел обеспечение на всех уровнях: собственно хозяйственном (автономный цикл "навоз-зерно"), техники мышления (преобразованная кочевническая) и мировоззренческом (христианское понимания личности). На классическом Востоке не было ни одного из перечисленных элементов.

Сравнивая два крайних случая перехода к оседлой жизни, можно сказать, что на Востоке происходил своеобразный обмен свободы хозяйствования на обеспеченность существования на групповой основе, то есть одна инструментальная ценность экономического суверенитета частично заменялась на другую. "Коллективное животное", родовая община, при этом уступала место "коллективному растению" – соседской общине. Много позже на Западе переход к оседлой жизни сопровождался индивидуализацией (точнее, сначала переходом на уровень семьи) свободы хозяйствования в общем-то без снижения обеспеченности существования. Оговорка "в общем-то" отражает тот факт, что отдельно хозяйствующей семье труднее, чем более крупной общности, например, кочевой родовой общине, защищать себя от любителей "постричь". Чуть позже мы обсудим, к чему это привело.

Как уже отмечалось, в результате перехода к оседлой жизни в Западной Европе основной хозяйствующей общностью здесь стала семья, занимавшаяся богарным земледелием и исповедовавшая вместе со всеми соседями Римско-католическое христианство.

Соседская община здесь по сути дела была лишь культурным (религиозным) образованием и не выполняла сколько-нибудь важных хозяйственных функций. Это уже не восточный "улей", а, скорее, "товарищество" (12), собрание автономных экономических единиц, атомов общества. Главная ценность – пахотная земля – стала фамильной, семейной собственностью (не путать с частной!). Свобода хозяйствования осталась инструментальной ценностью, как и при кочевом образе жизни (хотя возможность перемещения здесь резко

сокращена, но никто не командует с верхних этажей хозяйственной иерархии, их просто нет), социальных гарантий существования не прибавилось, скорее, наоборот, но обеспеченность существования повысилась за счет освоения местной культуры земледелия (особенно тяжелого плуга на конной тяге) и стабильности природно-климатических условий.

Основное экономическое отличие западной оседлости от восточной состоит в атомизированности общества, отсутствии изначально хозяйственных иерархий. Индивид здесь по-прежнему есть лишь часть хозяйственной общности (в данном случае семьи), но очень большая часть, если так можно выразиться. Тем самым, исходное различие между преимущественно индивидуальным характером производства, хозяйствования с применением ручных орудий труда и коллективным присвоением его результатов, существовавшее у кочевых племен и переросшее в противоречие на Востоке, здесь как бы нашло своё разрешение за счет автономизации присвоения.

Это, конечно, не значит, что на Западе совсем не было иерархий в период перехода к оседлой жизни последних "великих переселенцев". Отнюдь. Их было даже больше, чем на Востоке. Главными среди них были две – ***церковная*** и ***военная***. Первая из них имела как бы внешний по отношению к хозяйствам характер. Само принятие христианства в Западной Европе означало вхождение верующих в организацию, центр которой находился в Риме. Вторая иерархия, военная, как представляется, имела внутренний характер или, по крайней мере, подпитывалась слабостью семьи как субъекта, не способного обеспечить свою собственную безопасность от возможных посягательств со стороны других субъектов, продолжающих бродить и пытающихся "стричь".

Выше уже говорилось об обеспеченности существования как об аспекте экономического суверенитета наряду со свободой хозяйствования. Но при этом подразумевался в основном некий минимум материальных благ, а не охрана жизни и собственности. Дело в том, что ни для кочевых общин, ни для восточных оседлых народов эти вопросы не стояли. Коллектив уже сам по себе – большая сила, а многие инструменты могли иметь двойное назначение: и орудий труда, и средств защиты (или нападения).

Только западная оседлость обнажила безопасность жизни и имущества как самостоятельный аспект экономического суверенитета. Слабость семьи в оборонительном аспекте порождала "снизу" потребность в военном сословии (благо кочевое прошлое было здесь совсем недавним) и военной иерархии. Можно сказать, что безопасность как специфическое экономическое благо стала в Европе объектом арендно-рентного отношения между военным сословием и гражданским населением и часто – односторонней эксплуатации первым второго. Специалисты по безопасности (военные) в силу асимметрии как информационной, так и чисто силовой могли в гораздо большей степени влиять на пропорцию, в которой эмпирически невидимое благо "безопасность" обменивалось на вполне ощутимые материальные блага.

Равенство в страхе как социологическое выражение фундаментальной основы западного гражданского общества было

осознано уже Гоббсом: "Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе. А кто может причинить наибольшее зло, т.е. убить их, тот может быть равным им в любой борьбе. Итак, все люди от природы равны друг другу, наблюдающееся же ныне неравенство введено гражданскими законнами" (13).

Обе иерархии (глобальная церковная и локальная военная) материальные условия своего существования получали из одного источника – семейных хозяйств. Ситуация "слуги двух господ" весьма неустойчива. Выяснение отношений всех трех сторон (***"трех сословий"***) становится перманентным процессом, что порождает потребность в независимом от всех посреднике. Им здесь и стало государство, ***правовое государство*** как специфический западно-европейский институт позднего средневековья, какого ранее нигде не было, не считая отдельных его элементов в период античности. За последние два века и в Европе институт государства претерпел эволюцию в сторону обеспечения социальных гарантий в части материальных благ.

Правовое государство как таковое совершенно не ориентировано на предоставление каких-либо гарантий обеспечения существования, кроме безопасности и выполнения взаимных обязательств участниками договорных отношений (14). Экономический суверенитет семей, хозяйствующих на земле, не требовал от государства ничего большего. Эта односторонность западно-европейского государства крайне негативно дала себя знать при переходе от натурального к товарному, а затем и классическому капиталистическому производству. Понадобился довольно бурный и даже кровавый XIX в., чтобы экономические гарантии государства в отношении его граждан стали общепризнанной реальностью.

Наличие огромного количества, массы суверенных семейных оседлых хозяйств по сравнению с недавним кочевым прошлым впервые в истории создало материальную предпосылку для превращения натурального хозяйства в товарное. До этого рыночные связи, в том числе и межконтинентальные, конечно же, существовали, а кочевые племена втягивались в торгово-посреднические функции. Но число субъектов было сравнительно невелико, стабильность связей – тоже, в обеспечении выживания полагаться на них субъектам было бы нерационально. Теперь же создавалась новая ситуация.

Однако на семейные хозяйства давило бремя сразу двух иерархий – церковной и военной, одна из которых (церковная) не имела никакого хозяйственного значения, ничего не гарантировала в этой жизни, а вместо этого пыталась торговать благами потусторонней жизни (имеются в виду индульгенции). Как уже отмечалось, христианство оказалось весьма подходящей религией для освоения её кочевниками. Но это имело и свои негативные стороны. То, что легко даётся, не всегда оказывается действительно освоенным, глубоко прочувствованным.

Движение обновления, реформации духовной жизни, начавшись с сомнений в святости римской церкви, весьма логично кончилось у многих сомнением в святости вообще, атеизмом, человекобожеством, как назвал это явление С. Н. Булгаков (15). И это тоже проявление

тотемического самосознания. Ведь тотем – это малая группа людей, кровных родственников. Движение от этой исходной точки в сторону расширения ведет к человеческому роду в целом (все люди братья, "нет ни эллина, ни иудея"). В этом случае исчезает множественность тотемов, естественная в исходной точке. Движение же в противоположном направлении, в сторону сжатия, ведет в конце концов к отдельно взятому человеку. В этом случае исчезает общность, индивид остается наедине с собой, без людей и без Бога. Точнее, сам себе Бог, абсолютно суверенный человек, ни к чему не причастный, даже к семье.

С точки зрения экономического суверенитета здесь важны два взаимосвязанных момента: переход от семейной собственности к индивидуальной и замена семейной собственности частной. Эти две формы собственности – индивидуальная и частная – часто смешиваются, что ведет к большим недоразумениям. Классическая семейная, фамильная собственность средневековья отличалась от частной как раз невозможностью продать объект такой собственности, прежде всего землю. Тем самым она защищает интересы присвоения будущих поколений семьи (своего рода семейная гарантия), но при этом ограничивает свободу хозяйствования действующего индивида. Если он захочет сменить место проживания, то неотчуждаемая семейная собственность для него – как гиря на ноге каторжника. Хотя сама по себе индивидуальная собственность, как и семейная, не является частной, индивид, в отличие от семьи (большой, многопоколенной), имеет ограниченный срок существования. Его собственность поэтому конечна, отчуждаема. Отсюда остаётся один шаг до права физического лица на отчуждение любой своей собственности (и/или права пользования ею), становления института частной собственности, с которого и начинается Новая история (16).

Точнее, с частной собственности физического лица начинается эпоха преобразований частной собственности, существовавшей до того уже не одну тысячу лет вместе с отношениями обмена суверенных субъектов.

Первый шаг на новом пути, сделать который можно было в свое время только на Западе, состоял в объединении одним хозяином (производителем, капиталистом) группы собственников рабочей силы, делегировавших ему право её использования в обмен на соответствующую ренту, именуемую "оплата труда". Вопреки распространенному мнению, этот хозяин не обязательно был при этом собственником средств производства. Например, развитие капитализма в России сто лет назад (равно как и в Англии еще лет на сто и более раньше (17)) начиналось с работы домашних промыслов на заказ оптового покупателя, который и брал тем самым на себя общее планирование производства и ответственность за принятые хозяйственные решения (18).

Принципиальная новизна феномена мануфактуры состояла в том, что под одной крышей собирались совершенно разные, живущие независимо друг от друга люди, которых некий вполне земной механик (хозяин, предприниматель) соединял по своему усмотрению в живую машину. Любую деталь этой машины он мог заменить при необходимости на другую, взяв её на рынке труда. Выражение

"незаменимых людей нет" берет своё начало здесь. Именно с тех пор европейско-американская культура производства базируется на принципе "человек под функцию" (19), что представляет собой полную противоположность более распространенному на Востоке принципу "функция под человека". С тех же пор механистические штампы надолго (до сих пор!) становятся доминирующими в западной технике мышления. Чего стоит, например, выражение "хозяйственный механизм", часто произносившееся не так давно в нашей стране.

Замена одной детали "живой машины" другой, более эффективной "неживой", – дело лишь смекалки, времени и техники (и затрат, конечно). Вообще говоря, вся промышленная революция, переход от мануфактурного производства к машинному и представляла собой постепенную замену человека как естественной производительной силы коллектива другими предметами с заданными свойствами, овнешнение коллективной производительной силы. Следующий технологический этап связан с постепенной заменой человека (индивида, группы и т.д.) как общественной производительной силы в части обработки информации и принятия так называемых рутинных хозяйственных решений. Это стало содержанием происходящей на наших глазах информационной революции.

Второй крупный шаг состоял в появлении наряду с физическими лицами юридических лиц. Примером такого лица является любое акционерное общество. Смысл этой институциональной новации состоял в том, что права, как бы по природе вещей принадлежащие лишь людям, способным принимать решения и нести за них ответственность, могут иметь и некие общности, причем даже не обязательно с фиксированным членством. Это значительно облегчает движение экономических прав (хозяйствования и присвоения, вообще всего пучка прав собственности). Особенно важно это не для собственников условий (факторов) производства, хозяйствования, а для непосредственных производителей, хозяев, поскольку именно их доход образуется как величина, остающаяся от результатов хозяйствования после расчетов с собственниками факторов производства, и может иметь любой знак, плюс или минус, что чревато банкротством, лишением домашнего имущества, а то и тюрьмой.

Какого права не имеет юридическое лицо (во всяком случае, теоретически), так это права на материальные гарантии существования со стороны общества. Это значит, что существование (и прекращение существования) такого лица зависит только от его собственных решений, их качества и, конечно, от всей совокупности обстоятельств, в которых эти решения принимаются и реализуются. Значение этого стимула для эффективности хозяйствования невозможно переоценить, точно так же как невозможно переоценить и отслоение угрозы банкротства фирмы от угрозы необеспеченности существования людей. Тем самым вопрос жизни и смерти в экономическом измерении нашел на Западе решение в разведении по разным уровням социальной иерархии экономического существования (жизни и смерти, банкротства) хозяйствующих субъектов и физического существования (жизни и смерти) индивидов, на которое оказалось возможным резко сократить воздействие факторов, связанных с экономической активностью. По

крайней мере, в части присвоения. В части хозяйствования факторы риска вряд ли когда-либо удастся устранить полностью.

Таким образом, западный вариант оседлости оказался гораздо более динамичным, чем восточный. В его рамках вроде бы нашлось институциональное решение исходного противоречия свободы хозяйствования и обеспеченности существования. Первое становится прерогативой производителей продукции на рынок (мировой), а второе – государства и его граждан-налогоплательщиков. Разумеется, отрицательный эффект перераспределения результатов хозяйствования при этом не исчезает: чем хуже режим налогообложения доходов в той или иной стране, тем менее она привлекательна для корпораций, действующих в мировом масштабе (да и для местных предпринимателей, уходящих в "тень" от налоговой инспекции), но страх исчезновения, этот сильнейший стимул для производителей-хозяев, перестаёт нависать над наёмными работниками – конечными потребителями.

Но тогда почему в предыдущем абзаце выделены слова "вроде бы"? Быть работником-винтиком, хотя бы и неплохо оплачиваемым и независимым от того, как идут дела у фирмы, – этого вряд ли достаточно человеку, чтобы чувствовать себя личностью, уважать себя. Сейчас это становится невыгодным даже и самим фирмам. Одно дело, когда в мануфактуре каждый делал какую-то простую операцию, не требующую особо высокой квалификации (отчасти это сохранилось и до наших дней – на конвейере) и совсем другое дело, когда в современном наукоёмком производстве просто невозможно заранее предусмотреть все возможные штатные и нештатные ситуации, действия в них персонала, применяемые стимулы и санкции. Причем в момент принятия решения может отсутствовать определённость в отношении "конечного результата" для самого работника (то есть то, как будет оценена его активность и будет ли она вообще оценена).

Отчуждение работников от жизни фирмы, её дел, становится в таких условиях фактором неэффективности, предметом забот менеджеров, в том числе и высших. Если посмотреть на соответствующую западную литературу, то проблемы внутрифирменного планирования и стимулирования выглядят в ней на удивление близкими тому, что обсуждалось и в нашей специальной литературе эпохи развитого социализма. Хозяйственная иерархия, появившаяся впервые на Востоке, возникла и на Западе, хотя и на новой институциональной основе. Причем, как ни парадоксально, типичная для Востока интеграция всех уровней иерархии, их взаимозависимость в современных условиях становится конкурентным преимуществом азиатских корпораций перед западными.

Связано это со спецификой знания как элемента общественной производительной силы и положением индивида в хозяйстве. Можно сказать, что хозяйственная иерархия отличается от малого, индивидуального хозяйства тем, что знание здесь является силой (производительной), существующей независимо от индивидуальных носителей самого знания.

На Западе хозяйствование не один век обходилось без иерархии. Слово (письменное) существовало вне его (по большей части – в религиозной жизни, прежде всего через Библию). По сути дела до XX в.

роль информации в хозяйственной жизни, наличие издержек, связанных с её получением, переработкой и применением, на Западе не осмысливалось ни учеными, ни политиками (20).

Трудноохраняемость информации как объекта собственности создает массу проблем как раз в западных фирмах, где степень интегрированности персонала в её дела традиционно минимальна. Если каждый – за себя, то все остальные (и уж в первую очередь работодатель) представляют собой инструментальную ценность. Их можно и нужно использовать, не очень заботясь об их проблемах. При таком умонастрое угроза оппортунистического поведения, предательства (если это окажется более выгодным) становится реальной помехой эффективному функционированию фирм, ведет к дополнительным издержкам на борьбу с ней. Например, на превентивный подкуп своих же сотрудников, чтобы их не перекупили конкуренты. Этим, в частности, объясняется непропорционально высокая оплата вспомогательного персонала в офисах банков и других заведений, имеющих дело с большими массивами деловой информации. Понятно, что подобные издержки гораздо меньше на Востоке. Так что западный индивидуализм оказывается весьма дорогостоящей традицией.

Далее. Ситуация "слуги двух господ", подчинённость двум разным иерархиям, которая была характерна для европейского средневековья, воспроизводится вновь при разделении двух сторон экономического суверенитета между фирмами (свобода хозяйствования) и государством (гарантии существования граждан). Ведь гражданин при этом автоматически входит в иерархию государства в качестве его нижнего уровня и "полуавтоматически" – в иерархию той или иной фирмы, корпорации, может быть, даже транснациональной корпорации. Обе эти иерархии рассчитывают на его лояльность по отношению к себе, но их взаимные отношения при этом могут быть весьма конфликтными, поскольку у них совершенно разные способы и цели существования.

Фирма – это современное "коллективное животное", озабоченное, главным образом, своим собственным выживанием. В отличие от индивида существование фирмы не ограничено природой. Всё зависит прежде всего от неё самой, как и у кочевой родовой общины, её далекой предшественницы. Временной горизонт фирмы – настоящее и обозримое будущее – год, пять, десять, от силы двадцать лет (многое в определении временного горизонта зависит от продолжительности жизненных циклов продукции и основного капитала, а также от "правил игры"). Члены персонала для неё – только средство (так же, как она для них, если говорить о типичной западной фирме), но от них, тем не менее, требуется высокая степень лояльности.

Национальное государство (западное) – это современное "коллективное растение", живущее долго и, по идее, охраняющее не только ныне живущих граждан от слишком жестоких ударов судьбы, но и будущие поколения от недальновидной активности ныне действующих "коллективных животных" – фирм. Здесь, скорее, лояльным должно быть государство по отношению к своим гражданам–налогоплательщикам, чем наоборот. Но эти же граждане, работающие на фирмах, тем самым оказываются не вполне беспристрастными, объективными направителями воли государства. Выборные органы

власти оказываются местом лоббирования сиюминутных интересов различных групп населения. А ведь есть ещё проблемы так называемых внешних эффектов, выходящих за пределы территории отдельных государств и затрагивающих всех обитателей планеты.

Прежде всего это относится к экологии. Здесь усилий одних только национальных государств недостаточно для эффективного противодействия аппетитам фирм. Обеспечение существования, таким образом, перестаёт быть делом отдельно взятых национальных государств. Можно сказать, что корпорации – это современные кочевники. Во всяком случае, всё сказанное выше о технике мышления кочевников, их отношении к окружающему, представляется справедливым и для корпораций. С этой планеты бежать некуда. Следовательно, стратегически кочевническое (= рыночное) умонастроение обречено занять подчиненное положение по отношению к оседлому.

Таким образом, западный вариант оседлости дал весьма своеобразное решение проблемы кочевничества. На этого хищника в конце концов вскочили и понеслись вперед (к экологической катастрофе?). Причина этого видится в том, что Запад, начав с высокой степени согласованности форм хозяйствования и присвоения (семейно-индивидуальных в исходном пункте), в конце концов пришел к противоречию между общим и даже всеобщим (наука – всеобщая общественная производительная сила) характером производства, хозяйствования и всё ещё остающейся близкой к индивидуальной формой присвоения.

Отсутствие органического синтеза кочевой и оседлой техники мышления на Западе находит отражение и в наличии в этой технике двух общепризнанных традиций: островной и континентальной. Традиции эти сосуществуют в Европе не один век, так и не переходя в синтез. Наличие двух хозяйственных иерархий – корпоративной и государственной, – скорее всего, не способствует такому синтезу. Что будет дальше – сравнительно быстрый рукотворный Конец Света или переход человечества к новым формам хозяйствования и присвоения – кто сейчас скажет?

Российский суверенитет в экономике: поиски продолжаются

Теперь посмотрим, как происходил переход к оседлой жизни на Руси. Здесь реализовался как бы смешанный вариант, давший в итоге нечто непохожее ни на традиционный Восток, ни на классический Запад. По времени переход к оседлой жизни на Руси происходил примерно тогда же, когда и в Западной Европе – в первые века новой эры. Но, в отличие от неё, на языческой, а не христианской основе. Это её очень сближает с оседлым Востоком.

Технологическая же основа оседлости на Руси совпадала с западно-европейской – всё тот же цикл "навоз–зерно" с одним, но существенным уточнением. "Органическая" автономия существовала не на семейном уровне, а на уровне соседской общины. Оно и понятно, – зона рискованного земледелия, сообща выживать легче, хотя пытаться жить лучше часто бывает труднее как раз сообща просто потому, что

"такое счастье – каждый понимал по своему". В то же время обособление присвоения (чтобы пытаться жить лучше) выступает как предпосылка для реального обобществления хозяйствования. Ведь любой акт обмена (хотя бы и бартер) представляет собой совместное решение двух или более суверенных, обособленных субъектов.

Что до техники мышления, то она как-то застряла на полпути от кочевой к оседлой. Можно сказать, что по целому ряду причин (если очень коротко, – слишком много невозделываемой земли, не всегда удобной, и слишком много соседей-кочевников, не всегда мирных) у нас так и не закончился переход к устоявшейся, многовековой оседлой жизни. Чтобы далеко за примерами не ходить, вспомним XX век, столыпинские времена, ведь целые деревни двигались в Сибирь. Понятно, что не от сытной жизни. Да и позже, освоение целины, – вряд ли очень уж оседлых людей удалось бы убедить ехать за тысячи километров.

Исходный пункт российской оседлой жизни – соседская община-міръ – резко отличается от обоих крайних вариантов: восточной "общины-улья" и западной "общины-товарищества". Ближе всего к ней по строению античный полис, где каждая семья хозяйствовала на земле автономно, но само право такого хозяйствования вытекало из причастности членов этой семьи к общине-государству. Но и от полиса міръ отличался сугубо преходящим характером семьи как хозяйственного целого. Срок жизни семьи был даже меньше, чем срок жизни человека: с момента образования семейной пары и выделения ей в пользование земли примерно до образования повзрослевшими детьми своих семей. Поэтому можно говорить лишь о частичной индивидуализации как труда, так и жизни в российской общине.

Другими словами, в экономическом отношении міръ занимал промежуточное положение между греческим полисом и восточным "ульем" (21). От последнего его отличал самодостаточный характер российской общины, отсутствие у неё потребности в выполнении государством каких-либо хозяйственных функций. В то же время от западной общины её отличало отсутствие потребности в выполнении защитных функций локального характера – от бродяг, разбойников, плохих соседей. Со всем этим міръ вполне мог справиться сам. Не нужны были ему и судьи "со стороны", да и духовная жизнь, особенно поначалу (в язычестве) не требовала внешних контактов. В целом, по-видимому, можно говорить об очень высокой степени воспроизводственной самодостаточности міра, его экономическом суверенитете. Скорее всего, можно говорить и о культурной целостности, весьма гармоничных и гибких связях общинных и личночстных интересов этой переходной (между восточной – Gemeinschaft – и западной – Gesselschaft) формы соседской общины (22).

С чем у этих общин часто возникали естественные проблемы, так это с кочевыми общностями разного рода – сухопутными на востоке и плавающими на севере. Первые иногда нуждались в пастбищах, да и всегда были не прочь "постричь". Вторые пользовались нашими реками как путями сообщений ("из варяг в греки"), имеющих экономическое (торговое) значение, что вполне допускало поиски компромиссов. Как часто бывало в истории, именно кочевники (в данном случае северные) "подрядились" выполнять функции "глобальных защитников".

Собственно, защищали-то они от сухопутных кочевников свои пути сообщения, а уж заодно, постольку-поскольку, и их прибрежных обитателей.

Таким образом, государство (правящая элита) в России изначально имело свой, частный интерес, связанный с международной торговлей (23). И то, и другое (и наличие особого интереса "верхов", и его специфику) необходимо учитывать при рассмотрении проблемы экономического суверенитета в России. В частности, повышенный интерес к международной торговле (с Европой – по воде) порождал высокую чувствительность к доступности морских путей сообщения как параметру экономического суверенитета, имеющему государственное значение. Отсюда стремление "прорубить окно в Европу" на Балтике, долгие войны с Турцией за проливы (24). Отсюда же и включенность в мировую (прежде всего, европейскую, атлантическую) экономику и политику, не связанная с обеспечением долгосрочных интересов "низов", ориентация на западническую технику мышления (точнее, её кочевническо-торговую составляющую, без связи с христианством). В результате, экономическая активность "верхов" и "низов" оказалась совершенно различно направленной в пространстве. "Верхи" стремились на Запад, а "низы" шли на Восток (25).

Изначальное наличие особого интереса элиты в России весьма сильно трансформировало саму проблему экономического суверенитета и легло в основу нашего "особого пути", крайне непоследовательного, противоречивого. Как уже отмечалось, экономический суверенитет міра был намного выше, чем в чисто восточном и западном вариантах оседлой жизни. Чего не хватало, так это общей защиты от сухопутных кочевников. По идее, именно эту слабость и должна была восполнять элита из северных плавающих кочевников – государство-защитник. Отчасти, так оно и было, но наличие своего интереса мешало государству выполнять общезащитную функцию. По большому счету государство так и не обеспечило защиту от сухопутных кочевников, результатом чего стало покорение ими почти всей России. К моменту прихода кочевников из Монголии централизованного государства уже не было. И в дальнейшем часто не государство защищало жителей от внешних врагов, а им самим приходилось, защищая себя, спасать и обанкротившуюся в очередной раз элиту, олицетворявшую собой государство (26).

Избавление от подчинения Орде также произошло не за счет выполнения государством своих функций защитника, а по причине упадка и распада самой монгольской империи. Потом эта ситуация у нас часто повторялась, вплоть до событий начала 90-х гг. – власть очередной группы не столько завоевывалась ею, сколько подбиралась из-за отсутствия серьёзных соперников.

Всё тот же экономический суверенитет міра порождал специфику взаимодействия "верхов" с "низами". "Верхам" приходилось рассчитывать, главным образом, на силу (насилие) для получения средств на свое существование. Ни экономических, как на Востоке, ни политических, как на Западе, рычагов воздействия на хозяйствующую общность (міръ) у государства не было.

Наличие независимых друг от друга интересов "верхов" и "низов" вкупе с неспособностью "верхов" нормально выполнять общезащитные

функции из-за повышенного экономического суверенитета "низов" дало некое сочетание, которое можно назвать постоянной войной "по вертикали" внутри общества между "центром" и "местами" за свою долю экономического суверенитета. Эта война была то горячей, то холодной, но она продолжается и по сей день.

Краткосрочное поведение обеих сторон в этой войне вполне антагонистично. Линия "центра" – взять как можно больше, чтобы иметь свободу маневра ресурсами при выделении их тем, кому он, центр, сочтет нужным (отраслям, регионам). Линия "мест" – отдать как можно меньше под любыми предлогами. Взаимный обман при этом – норма отношений внутри административной вертикали.

Долгосрочное поведение всех экономических субъектов при этом состоит в минимизации зависимости своего существования от всех остальных, натурализации хозяйства как способе реализации обеих сторон экономического суверенитета (свободы действий и обеспечения существования). Другими словами, исходная форма экономического суверенитета, свойственная міру, не только воспроизводится на своем уровне (соседской общины), но и становится образцом для верхнего уровня, государства-защитника.

Саму по себе натурализацию вряд ли стоит оценивать как сугубо попятное движение, подлежащее преодолению во имя повышения экономической эффективности. Если критерий эффективности – выживание, то натурализация – вполне рациональная стратегия, не хуже многих других. По сути дела, она широко применяется субъектами и в развитых экономиках.

Стандартный показатель уровня самофинансирования инвестиций характеризует степень автономности, автаркии, "натуральности" хозяйствования фирмы. Понижение уровня чревато для любой фирмы потерей самостоятельности, сокращения её свободы хозяйствования. Взаимное участие в активах, взаимные сделки – это тоже проявление натурализации в современных условиях (27).

С натурализацией связано стремление "центра" добиваться внутреннего экономического суверенитета – понижения зависимости от "мест" в осуществлении своих функций. Так появляется государственное хозяйство как некая обеспечивающая подсистема, обслуживающая прежде всего военные нужды. Понятно, что чисто экономические критерии эффективности (типа "минимум затрат на получение заданного результата") при этом не могут действовать в полной мере хотя бы потому, что "заданный результат" в безопасности общества – величина не вполне определенная количественно. Слова из песни: "...нам нужна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим" – хорошо отражают особенности критерия эффективности защитной функции.

Уже при Петре I стремление "центра" к экономической независимости от "низов" реализовывалось довольно широко (естественно, без отказа от традиционной линии "постричь") в виде казенных и полуказенных заводов, мануфактур и т.д. Наиболее полно оно воплотилось в годы советской власти. Всё это делало наше государство похожим на восточное, азиатское, в котором действительно доминировали хозяйственные функции. Принципиальное отличие состояло в том, что у нас хозяйственные функции отнюдь не

доминировали, они всегда имели подчинённое значение, и наша элита никогда не была экономически грамотной. Собственный её интерес, исходно связанный с международной *торговлей*, не вёл к экономической культуре, связанной с *производством*. По-видимому, главная причина этого в неисчерпанности (пока!) природных ресурсов и связанной с этим возможностью продолжать (на уровне "центра") первобытную по сути практику присваивающей (а не производящей) экономики. Это – ещё одно проявление незавершенности перехода нашего общества к оседлому образу жизни.

Мы подошли к самому драматическому, действительно переломному моменту тысячелетней российской государственности. После того, как очередная правящая элита обанкротилась в обеспечении общей защиты, эта функция (защита Отечества) потеряла ореол святости, культивировавшийся у нас не один век (28). Связанная с этим потеря значимости "центра" сделала его легкой добычей следующего уровня иерархии – республиканских элит, воспитанных в том же умонастроении, но вынужденных теперь заниматься больше хозяйственными делами.

Но и это только часть более общего системного кризиса в нашей стране. Тупиковой оказалась идея экономического суверенитета одной, отдельно взятой территориальной общности, у истоков которой и стоял тысячу лет назад міръ. В XX в. сам міръ исчез как хозяйственный организм в результате индустриализации производства, разрушения локального цикла "навоз–зерно" (29).

С исчезновением міра как экономического субъекта вообще-то теряет прежний смысл и всё, что над ним возвышалось, в том числе и государство. Однако активная включенность в экономическую жизнь (и в присвоение, и в хозяйствование) территориальных органов административно-политической власти на всех уровнях, особенно в течение XX в., волей-неволей консервирует сложившуюся систему. Более того, в условиях демонтажа отраслевой вертикали командной экономики и начала рыночных преобразований территориальные органы наряду с выполнением традиционных функций "коллективного растения" активно развивают функции "коллективного животного". Повышению определенности экономических отношений это вряд ли способствует.

Индустриализация страны, будучи во многом (и по целям, и по методам проведения как до, так и после 1917 г.) ответом нашей элиты на "вызов" Запада, в очередной раз привела к сдвигу на Восток её хозяйственной структуры. В данном случае это связано прежде всего с ископаемыми органическими источниками энергии (уголь, нефть, газ), хозяйственная функция которых оказалась близка к функции воды в речных цивилизациях древнего Востока. Принципиальная разница между этими хозяйственными благами состоит в том, что вода как воспроизводимый источник могла подпитывать существование хозяйственных иерархий в течение тысяч лет, а невоспроизводимые источники энергии истощатся гораздо раньше.

По сути дела, только нынешнее поколение элиты может рассчитывать на них. За время, имеющееся в её распоряжении (всего несколько десятилетий), ей предстоит не только самой сменить умонастроение на более оседлое, если так можно выразиться, но и помочь народу

разобраться с теми мировоззренческими системами, которые с её же подачи культивировались. Без этого вряд ли можно рассчитывать на что-то светлое в будущем.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что две мировоззренческие системы, восточная – христианство и западная – "научный социализм" (30) оказали наибольшее влияние на российское общество вообще и на решение в ней проблемы экономического суверенитета в частности.

В отличие от Востока в целом, где христианство так и осталось на периферии, и от Запада, где переход к оседлой жизни происходил вместе с принятием христианства, на Руси происходило крещение оседлого населения. Вряд ли оно вообще могло бы произойти сколько-нибудь успешно, если бы переход к оседлому образу жизни к этому времени закончился. Однако достигнутая к тому времени степень оседлости оказалась достаточной для того, чтобы христианство не смогло вытеснить язычество и наложилось на него. Это породило весьма противоречивый сплав "дневной" (христианской) и "ночной" (языческой) культуры, наличие которого стало одной из важнейших особенностей российской культуры и "низов", и "верхов" (31).

То, что крещение проводилось "сверху", нашей специфической элитой (32), также задало традицию сложных отношений между церковной (идеологической) и государственной иерархиями, в которых господствующее положение чаще имела государственная. Это также мешало стабилизации мировоззренческого компонента хозяйственной жизни, без которого невозможна оценка долгосрочных последствий принимаемых решений.

Можно сказать больше: в отличие от традиционного Востока, где мировоззренческие системы ориентировали в экономическом суверенитете на приоритет группы (что в наше время, например, в Японии, выражается в принципе "Корпорация превыше всего"), и от Запада, где христианством пытались (особенно протестанты) освятить экономический суверенитет индивида, у нас православие с самого начала отрицательно относилось к выпячиванию того или иного субъекта, хозяйствующего "в этом мире", объявлению его интересов приоритетными.

Строго говоря, даже тело, к которому причастен каждый смертный – тело человеческого рода, – не может быть носителем абсолютного экономического суверенитета, интересы которого должен был бы принимать во внимание в первую очередь каждый хозяйствующий субъект. Это тело тоже не может быть "кумиром". ["Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своём: довольно для *каждого* дня своей заботы." (Матф. 6, 34).] Однако заповедь всеобщей любви, а не только к "ближнему своему"["И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?" – Матф. 5, 47], ориентирует каждого на всеобщую же заботу хотя бы ради спасения своей души.

Нетрудно заметить, что такой подход близок к постиндустриальной этике хозяйствования, выраженной формулой: "Думай глобально, действуй локально." Поэтому в нашем далеко не постиндустриальном обществе православие неспособно стать мировоззренческой основой чьего-либо экономического суверенитета. Скорее, оно было и будет в естественной духовной оппозиции очередным государственникам или

радетелям прав человека. В этом есть своя положительная сторона, так как мир в целом уже подошел к тому рубежу, на котором ему приходится выбирать: или признать (и принять) постиндустриальную систему приоритетов хозяйствования и присвоения, или исчезнуть. В такой ситуации наша исходная ценностная позиция вряд ли хуже любой другой. Более того, её неполная определённость (и в этом смысле явная отсталость от соседей на Востоке и Западе), пластичность, может облегчить вхождение в общее постиндустриальное будущее.

В отличие от православия (и как бы компенсируя его отрешенность от суеты "мира сего"), научный социализм оказал очень большое влияние на хозяйственное строительство в нашей стране. Научная форма (её континентальная версия), в которой К. Маркс излагал свою критику современного ему западного общества, включая его религиозные основы, импонировала нашей интеллектуальной элите, а практика прусского государственного хозяйства, начиная с Бисмарка, была, можно сказать, готовым образцом для подражания (33). В частности, продразверстку и другие мероприятия эпохи военного коммунизма осуществляли большевики, но готовили их ещё до 1917-го года совсем другие люди (34).

По-видимому, антииндивидуализм научного социализма позволял "верхам" использовать его в войне против экономического суверенитета "низов". Логика простая: государство берет на себя гарантии существования граждан, но вместе с этим (и для их выполнения) становится практически монопольным хозяйствующим субъектом. Понятно, что разные решения должны приниматься на разных уровнях государственной хозяйственной иерархии, а потому им должны делегироваться сверху определенные полномочия, именуемые, в частности, ***"оперативная хозяйственная самостоятельность".***

Вместе с ней появляются "юридические лица", ничего общего не имеющие с юридическими лицами Запада. Расширение прав этих агентов возможно только за счет сокращения объема прав принципала. Обычное юридическое лицо – бестелесный субъект, на который по этой причине не распространяются государственные гарантии существования, но обладающий тем же объёмом хозяйственных прав, что и любой гражданин, полноправное физическое лицо. Появление таких юридических лиц не сокращает чьих-либо прав.

Таким образом, победа "центра" не стала полной и окончательной, "перетягивание каната" продолжилось на новой мировоззренческой основе, в которой не было места хозяйственным правам граждан. В частности, "граждане" не имели права привлекать других граждан по договору найма для ведения хозяйственной деятельности, не могли они вступать в отношения и с иностранными лицами, ни юридическими, ни физическими. Более того, само понятие физического лица отсутствовало в нашем хозяйственном праве. Лицо могли иметь только иностранцы, мы же были просто "граждане" без лица.

Сейчас можно зафиксировать как свершившийся факт, что победа элиты, взявшей в своё время на вооружение научный социализм, оказалась пирровой. "Снятие с вооружения" этой мировоззренческой системы само по себе ничего не меняет. Суверенитет, в том числе и экономический, остаётся объектом дележа. "Война по вертикали" продолжается. К сожалению, в этой войне ещё довольно долго

стратегический перевес по сугубо экономическим причинам будет сохраняться за "верхами".

Как уже отмечалось выше, одним из аспектов суверенитета является энергетический. Этот аспект доминирует в мировых отношениях и становится по сути дела решающим внутри нашей страны. Специфика топливно-энергетического комплекса вообще и газовой промышленности в особенности состоит в очень высокой степени концентрации месторождений на немногих территориях. Причем как раз по газу на территориях, практически не имеющих постоянного населения (на Крайнем Севере).

Получается так, что в нашей стране есть сейчас (в отличие от всей предшествующей истории России и её государства) отрасль экономики, от которой зависят все остальные отрасли и, конечно же, все территории. При этом сама она практически не нуждается в них, так как всё, что ей нужно, она может получить извне страны. Что ей нужно, так это сильное центральное правительство, которое могло бы защитить её от посягательств со стороны жаждущих пристроиться к дележу пирога "без всяких на то оснований". Такое правительство она уже имеет. Идеология "сильной российской государственности" его вполне устроит.

Похоже, пройдет какое-то время и некий лидер (вождь) опять скажет: "Так жить нельзя, надо перестраиваться..."

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На практике, по - видимому, первая из них, хозяйственная, доминировала в восточном государстве, вторая, посредническая, – в западном, а третья, защитная, вроде бы присутствовала у нас. Почему так получилось и к чему это привело, – предмет особо пристального внимания в данной работе.

2. В экономической науке ему ближе доминирующая сейчас поведенческая парадигма: неважно, как устроен субъект, что у него в голове, главное, как он действует, какие совершает поступки.

Приведем одно весьма показательное высказывание Нобелевского лауреата по экономике Ф. Хайека о Боге, к которому еще придется возвращаться: "Возможно, то, что люди подразумевают, говоря о Боге, является всего лишь персонификацией тех традиционных моральных норм и ценностей, что поддерживают жизнь их общества “Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро поступки наши добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет” (Фрезер)." *(Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: Пер. с англ. М.: Новости, 1992, с. 239, 267).

Здесь же можно отметить сугубо потребительскую ориентацию при моделировании поведения "экономического человека" с применением аппарата кривых безразличия. Субъект при этом выступает только как оптимизирующий пользователь благ или ресурсов, а не творец. В этом также просматривается примат кочевой, "присваивательской" ментальности над оседлой, "производительской". А если ещё учесть, что именно своим

творчеством человек может быть подобен Творцу, то безбожность, атеистичность современного основного течения в экономической науке оказывается вполне закономерной.

3. В экономической науке его придерживалась немецкая историческая школа. Недавний пример различия этих подходов в философии образования можно найти в "Вопросах философии" (1995. N11. Стр. 24-25).

4. Различие островной и континентальной техник мышления существует не только в философии, которая может на первый взгляд показаться очень далекой от реалий экономической жизни, но и в сфере права, близость которой к практической экономике вряд ли требует доказательств даже в наших далеко не правовых условиях.

Так, согласно английской традиции "common law" (обычного права), право определяют прежде всего судьи, вынося судебные решения, приобретающие затем силу прецедентов, на которые можно ссылаться, как на закон.

Согласно континентальной традиции, право определяет законодатель путем кодификации, составления некой глобальной системы, свода законов.

Связь обеих традиций в философии и праве видна невооруженным взглядом.

5. Потому-то и называют древнейшие цивилизации Востока речными цивилизациями, что главное в их жизни не земля, а вода, причем не падающая с неба, а текущая с гор и потому распределенная заведомо неодинаково ни по количеству, ни по качеству (чем ниже по течению, тем, как правило, хуже) и поддающаяся перераспределению. Связанное с использованием воды широкомасштабное ирригационное строительство требовало координации усилий большого количества людей со стороны надобщинного центра – государства.

"Водное" единство как основа культуры – это не только далекое прошлое, но и вполне живая современность, например, в Японии. Отметим прежде всего коллективизм, развитую иерархичность, имеющую базу в экономической жизни (прежде всего – в водном хозяйстве). Индивид здесь – часть общности, на несколько порядков меньшая, чем в кочевой общине, и по количеству уровней иерархии в новой, оседлой общности (не меньше четырех: индивид, семья (+предки), соседская община, хозяйствующее государство), и по количеству людей (вместо максимум 40-50 человек в родовой общине – десятки, если не сотни тысяч).

6. Некорректность использования в нашей публицистике (ещё с прошлого века) термина "азиатский" как синонима варварства, отсталости отметил недавно А.А.Кара-Мурза в работе "Между Евразией и Азиопой" (Иное, М., "Аргус", 1995, т.3, с. 177-178). По сути дела под "азиатчиной" обычно понимается влияние не азиатских цивилизаций (его то как раз и не было), а кочевничества, которое отнюдь не является восточным феноменом. В этой работе приведено высказывание Н.Г.Чернышевского, в котором её автором выделена такая фраза: "Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый."

См. также статью А.А.Кара-Мурза, А.С.Панарина и И.К.Пантина "Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития" // Полис, 1995, N 4.

7. " на Западе существует противопоставление – вертикальное – Сверхприродного и природы На Востоке существует горизонтальное противопоставление природы "тянь" и сделанного человеком, технического." (*Имамичи Т.* Моральный кризис и метатехнические проблемы// Вопросы философии. 1995. N3. С. 78).

8. Термин "поголовное рабство" означает не полное подчинение одних людей другим (в таком случае просто невозможно всеобщее, поголовное рабство), а саморефлексию каждого члена некой общности исключительно через идентификацию с нею, через понимание себя как "человеко-орудия" этой общности. Пока такая общность более-менее обозрима, этот способ саморефлексии не мешает индивидам самостоятельно принимать многие хозяйственные решения.

9. Можно даже сказать *животную* связь между тем, как потопаешь и как полопаешь. В пословице "Волка ноги кормят" особенно хорошо видна животная природа принципов типа "каждому - по труду".

10. "Посади дерево" – это одновременно и конкретное хозяйственное распоряжение, и метафора, в которой дерево фигурирует как главная восточная ценность, воспроизводимая людьми. Обращенность хозяйствования к будущим поколениям прекрасно выражена и в русской "директиве": "Помирать собрался, а рожь сей."

11. На Востоке "централизованным" источником удобрений был ил, приносимый с водой, а отходы животноводства использовались, главным образом, как бытовое топливо.

Таким образом, и на Востоке, и на Западе исходно имелась энергетическая автономия. Начиная с эпохи индустриализации энергетическая автономия начала исчезать, а вместе с ней стал исчезать и суверенитет территориальных общностей, не располагающих запасами ископаемого топлива. Многое в мировой экономике и политике за последние 100–150 лет связано с ролью топлива в поддержании экономического суверенитета. Достаточно вспомнить одно заветное слово – "Газпром", чтобы многое понять в специфике суверенитета и государственности в современной России. К этой теме мы ещё вернемся.

12. В немецком языке для двух типов общностей – "улья" и "товарищества" есть два разных термина – Gemeinschaft и Gesselschaft. Первым их использовал при классификации экономических общностей К. Маркс, что прошло мимо внимания наших марксистов и, в свою очередь, сказалось на качестве переводов его работ на русский язык. В науку эти термины вошли после Маркса и независимо от него.

13. Гоббс Т. О гражданине // Т.Гоббс. Избр. произведения в 2-х томах. Т. 1. М., Мысль, 1964. с.302 (цит. по Б.Г.Капустин, Либеральная идея и Россия (Пролегомены к концепции современного российского либерализма) // Иное, М., "Аргус", 1995, т.3, с. 131).

Упомянутая здесь работа Б.Г.Капустина представляет собой прекрасный образец применения современной континентальной техники мышления к предмету, который трактуется у нас обычно в традициях островной техники. См. также его статью "Национальный интерес как консервативная утопия" //Свободная мысль, 1996, N 3.

14. Надо также учитывать, что западное право внерелигиозно (точнее, оно вне христианства) как по происхождению ("Рим – открытый город" с античных дохристианских времен), так и по функциям. Первое сословие здесь – лишь одна из сторон, "качающих права", а не беспристрастный арбитр. Для сравнения отметим, что в мусульманском мире ситуация совсем иная.

15. Булгаков С. Религия человекобожества у Фейербаха. М., Свободная совесть, 1906.

16. Термин "частная" применительно к собственности имеет двоякое толкование – функциональное и субъектное. Согласно функциональному, качество частной имеет отчуждаемая собственность, то есть то, что можно продать, вообще передать другому лицу, неважно, физическому или юридическому. Согласно субъектному, частной является собственность физических лиц, даже если она не подлежит отчуждению. Поскольку эти толкования дают разные результаты, надо весьма аккуратно обращаться с термином "частная собственность", четко понимая, какой именно смысл имеется в виду в каждом конкретном случае.

17. "...Почти всё шерстяное производство в стране осуществлялось тогда [в период Французской революции – *Л.Г.*] на основе системы контрактов. Эта отрасль контролировалась сравнительно небольшим числом предпринимателей, которые стремились узнать, что, где и когда было наиболее выгодно купить и продать и какие вещи было выгоднее всего произвести. Затем они выдавали контракты на изготовление этих вещей по всей стране. Предприниматели обычно поставляли сырьё, а иногда и используемые простые орудия; те, кто заключал с ними контракт, выполняли его при помощи собственного труда и труда своих семей" (А.Маршалл "Принципы экономической науки", М., "Прогресс-Универс", 1993, т.III, с. 175).

18. Говоря о специфике развития капитализма в России, часто делается упор на его первоначальное развитие в деревне с преимущественно торгово-посреднической ролью городов. Это, в частности, отмечал в свое время М.И.Туган-Барановский. "Город на Западе был центром мелкой промышленности, работавшей не на торгового посредника, а непосредственно на потребителя. В России же город был, преимущественно, административным и торговым центром, а промышленность была раскинута,

главным образом, по деревням" (М.И.Туган-Барановский, "Основы политической экономии", Пг., 1912, с. 86).

С этой особенностью хозяйственного развития связано ещё одно важное обстоятельство, сохраняющее значение и поныне: "На Западе имеется многочисленный средний класс – мелкие предприниматели, промышленники и торговцы, энергичные, предприимчивые и зажиточные, умеющие отстаивать в борьбе с крупным капиталом свои интересы. У нас же не было никакой другой промышленной культуры, кроме капиталистической, и нет зажиточного и многочисленного класса мелких предпринимателей" (М.И.Туган-Барановский "Очерк развития мануфактурной промышленности в России" // Вестник мануфактурной промышленности (бесплатное приложение), М., 1912).

Правда, вывод, который из этого делает М.И.Туган-Барановский, сейчас кажется парадоксальным: "– капитализм, вопреки обычному мнению, играл у нас гораздо более положительную роль, чем на Западе, ему не приходилось разрушать высокую экономическую культуру иного типа" (там же).

Попутно хотелось бы высказать ещё одно соображение – о постиндустриальности наших столичных регионов. Высказывания на этот счет встречаются всё чаще (см. например, статью Т.Г.Нефедовой и А.И.Трейвиша "Постсоветское пространство России" // Мир России, N 2, 1996). Основаны они на высокой доле "третичного сектора" (транспорта, торговли, услуг) в экономической активности. Но ведь это же было характерно для них и сто, и двести лет назад.

“В технологических образованиях принципом классификации вместо формы выступает функция. В природе кошки или птицы считаются животными, и таким образом относятся к той же самой категории, что и человек, который есть также животное. Но на современной железнодорожной станции автомат для продажи билетов и человек-кассир относятся к одной категории, тогда как кошки и птицы полностью исключены из этого функционального тождества, из этой функциональной категории. Следовательно, животные, которые в природе родственны человеческому существу, теперь в технологическом измерении отчуждаются от природного родства и относятся в разряд неэффективных вещей Таким образом, метатехника реализована как относящаяся к самосознанию человечества в своём мире" (*Имамичи Т.* Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. 1995. N3. С. 79).

19. Не вдаваясь в подробности, можно отметить собственно материальные затраты, затраты времени, особенно на согласование решений, а также издержки, связанные с *дез*информацией, которая может поступать от других субъектов.

Проекты переустройства общества XIX в. опирались на неявную предпосылку об отсутствии издержек принятия решений. Только практический опыт попыток такого переустройства в ряде стран (оказавшийся в целом не очень удачным) и внутрикорпоративного управления в других странах заставил переосмыслить роль информации.

Как ни парадоксально, похоже, зачинатели последних реформ в нашей стране ухитрились повторить ту же ошибку, наступили на те же грабли. Курс на быстрый демонтаж прежней системы принятия хозяйственных решений и

ускоренное изменение держателей титулов собственности опирается на неявное предположение об относительной простоте и легкости рыночного способа установления хозяйственных связей, нахождении наилучших парнеров.

Но рыночный механизм тоже не свободен от трансакционных издержек, а их понижение возможно лишь как результат длительных и дорогостоящих вложений в рыночную инфраструктуру, как материальную (связь, транспорт, складское хозяйство, ориентированные именно на рынок, а не на решение задач оборонительного характера), так и институциональную, которая тоже создается долго и в мучительных согласованиях интересов различных реальных субъектов экономической власти в нашей стране.

20. Глубокий философский анализ (в категориях соотношения общего и единичного) роли индивида в трех типах соседских общин – восточной, античной и германской – в своё время сделал К.Маркс (см. *Маркс К.* Формы, предшествовавшие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: Политиздат, 1968).

21. Интересные рассуждения об эволюции государственности в России В.Б.Пастухова опираются на довольно странное утверждение об исходной неорганичности культуры, связанной с наличием гетерогенных начал: коллективистского и индивидуального: "Под органичностью здесь подразумевается гомогенность, т.е. такое состояние культуры, при котором от своих истоков она существует как целое, а её элементы возникают и развиваются только в системе целого. В истории российской культуры, напротив, составляющие её первоэлементы – личностный и общинный – длительное время были как бы сами по себе, изначальны и безотносительны, переплетались, не соединяясь Субстанциальным воплощением неорганичности российской культуры является государство Большевистская революция естественно вписывается в логику российской истории. Ею завершается длительный, многовековой процесс трансформации культуры, её *движения от неорганичности к органичности* (выделено автором – *Л.Г.)*". ("Будущее России вырастает из прошлого: посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации" // Полис, N5-6, 1992, с.61,70, см. также его "Культура и государственность в России: эволюция евразийской цивилизации" // Истоки, т.2, М., "Аргус", 1995).

Вряд ли найдутся сомневающиеся в органичности античной культуры. Между тем, именно греческий полис является ближайшим соседом міра на "шкале" распределения соседских общин по соотношению индивидуального и общего "начал".

О реальности "личного начала" в культуре Востока уже говорилось в основном тексте работы. Что касается этого же начала на Западе, достаточно упомянуть религиозную нетерпимость (Варфоломеевскую ночь, инквизицию), чтобы усомниться в обоснованности мифа о безусловном приоритете здесь личного начала.

Неорганичность русской культуры, которая действительно существует уже не один век, было бы естественнее связывать не с внутри-міровыми отношениями, а с отношениями міра вовне, с государством. Об этом и пойдет речь дальше.

22. Благодаря мусульманской экспансии в Средиземноморье путь "из варяг в греки" был поначалу для политической элиты ценным сам по себе, как источник её доходов от транзита товаров. После изменения ситуации в Южной Европе Киевская Русь распалась. Потом долгое время интерес элиты к путям сообщений с заграницей был связан с экспортом традиционной (воспроизводимой!) российской продукции в обмен на предметы своего собственного потребления. В последние десятилетия резко вырос экспорт невоспроизводимых ресурсов, что, по идее, противоречит долгосрочным интересам и самой элиты.

23. О четырех "волнах", циклах вовлечения России в европейскую политику см. интересные соображения в работе В.Л.Цимбурского "Циклы "похищения Европы" // Иное, М., "Аргус", 1995, т.2.

24. См. также В.Л.Цимбурский "Остров Россия" // Полис, 1993, N 5.

25. Писатель Василий Гроссман одним из первых показал, как это происходило во время Великой Отечественной войны. "За Родину!" – одновременно означало и "За Сталина" независимо от отношения к этому вождю. Кстати сказать, термин "вождь" – из того же первобытного кочевого прошлого.

26. "Когда сталелитейные компании решают, кому продавать свою продукцию, они учитывают, у кого покупается сырьё. Если универсальная торговая фирма занимает сильные позиции в торговле сырьём, то соответственно увеличивается и объём продаваемой ей сталелитейной продукции". (*Окумура* Х. Корпоративный капитализм в Японии: Пер. с япон. М.: Мысль, 1986, с. 207).

27. Гонка вооружений, добившая нашу экономику, – это чисто западный феномен, как и обе мировые войны. Близость техники мышления нашей элиты к западной способствовала втягиванию в борьбу за стратегический "паритет силы" далеко за пределами реальной оборонной достаточности. В отличие от нас действительно азиатское государство – Китай – не стало втягиваться в эту гонку. Его элита не пожалела сил на скорейшее создание ядерного оружия и средств его доставки, но сразу же после решения этой задачи переключилась на долгосрочные экономические реформы.

Тесное переплетение военных и международно-торговых функций, характерное для кочевников, особенно плавающих, позволяло использовать одну из этих сфер для решения проблем в другой. Обычно война или её угроза использовалась как средство решения экономических проблем, хотя экономика – это сложная и разнообразная сфера жизни, в которой имеется достаточно своих методов воздействия агентов друг на друга.

28. Машинно–тракторные станции стали своего рода аналогом азиатских надобщинных хозяйственных структур, началом конца экономического суверенитета міра. Их упразднение после смерти Сталина ничего по сути не изменило, так как поставка сельскохозяйственной техники и запасных частей к ней, а также жидкого топлива осталась в руках государства.

Следующими шагами в том же направлении стали "химизация народного хозяйства" и газификация сельского быта.

29. Вообще-то научных социализмов на Западе было немало. Например, так именовал свою систему Ш. Фурье. У нас в стране проповедовался вариант, который разные политики (начиная с немецких, например, Ф. Лассаля) связали с именем К. Маркса. Что бы сейчас ни говорилось, в последние десятилетия перед 1917 г. в России это имя было очень популярно, и не в последнюю очередь это было связано с непригодностью православия как идейной основы ускоренной модернизации общества, сохранения позиций элиты в мировой системе отношений того времени.

30. См. например, *Пивоваров Ю.* Политическая культура и политическая система России: от принятия христианства до петровских реформ // Мир России. Т. II. 1993. N1.

31. Вряд ли наша элита X в. действительно *выбирала* мифологическую монотеистическую систему, призванную заменить на Руси язычество. Скорее всего, произошло обычное заимствование, когда при разности культурных потенциалов элементы более высокой культуры переносятся в более низкую. В данном случае и торговые контакты, и военные ("щиты на вратах Цареграда"), ориентировали на приобщение именно к византийской системе. Для элиты она была удобна и отсутствием общемирового центра.

В то же время успеху крещения именно в православие, видимо, способствовали близость хозяйственного уклада міра к античному полису, а также то, что обе эти общности переходили от язычества к христианству в рамках оседлого образа жизни.

Возможно, это же давало многим повод считать наше православие (Orthodox Church) "самым православным", ортодоксальным. Однако понятие "Святая Русь" – такое же языческое, тотемическое, как и "народ-избранник". Разница только в том, что в случае оседлой общности предметом освящения становится земля, а не родня, как у кочевников.

32. То, что критика К. Маркса, в том числе "Критика Готской программы", относилась и к Пруссии, не принималось во внимание. Как и любой другой авторитет, его в политике можно было использовать "втёмную". Можно было даже не публиковать его "неудобные" работы, что и делали сначала немецкие "партайгеноссе" – социал-демократы на рубеже XIX–XX вв., а потом и наши "товарищи".

33. "Обычно лавры первопроходцев на этом пути [формирования и опробования на практике идеологии организованного, планового хозяйствования в национальных масштабах – *Л.Г.*] отдаются большевикам. На самом же деле последние практически ничего сами не изобрели. Нельзя в угоду политической конъюнктуре игнорировать несомненную связь военного коммунизма с политикой российских правительств 1914-1917 гг. (царского и временного)" (*May B.* Реформы и догмы. М.: Дело, 1993. С. 9).

34. Лучше сказать – квазиэлиты, поскольку система планового хозяйства, как это ни парадоксально звучит, отучала управленцев от стратегического, долгосрочного взгляда на экономику своей сугубой нацеленностью на годовой режим планирования и стимулирования.

Понятие квазиэлиты интересно анализирует Ш.Султанов в работе "Карма элиты: вдох-выдох, ночь-день" // Иное, т.2, с. 200-206.